

Д. Аминадо

Дым без отечества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Аминадо**
Дым без отечества / Д. Аминадо – М.: Книга по Требованию, 2013. – 100 с.

ISBN 978-5-517-98570-5

ISBN 978-5-517-98570-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

О ПТИЦАХЪ.

Одно въ этомъ мѣрѣ для меня несомнѣнно:

Погубили насъ — птицы.

Буревѣстники. Чайки. Соколы и вороны. Пѣтухи, поющіе предъ зарей. Несуществующіе, самымъ безстыднымъ образомъ выдуманные альбатросы. Рѣющіе, непременно рѣющіе, кречеты. Умирающіе лебеди. Злые коршуны и сизые голуби. И, наконецъ, раненые горные орлы: царственные, гордые и непримиримые.

«Сижу за рѣшеткой, въ темницѣ сырой.

«Вскормленный на волѣ орелъ молодой...»

Что-жъ тутъ думать! Обнажили головы, трягнули шевелюрами и потянулись къ рѣшеткѣ: стройными колоннами, сомкнутыми рядами и

всѣмъ обществомъ попеченія о народной трезвости.

Впрочемъ, и время было такое, что ежели, скажемъ, гимназистъ четвертаго класса отъ скарлатины умиралъ, то, вся гимназія пѣла:

«Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой...»

Очень ужъ были мы чуткіе, да и отъ орловъ, какъ помѣшанные, ходили.

Обитали орлы, преимущественно, на скалахъ и промышляли тѣмъ, что позволяли себя ранить: прямо въ сердце, или прямо въ грудь и, непременно, стрѣлой.

Въ случаяхъ, особенно торжественныхъ, стрѣлы, по требованію публики, пропитывались смертельнымъ ядомъ.

Этой подлости не выдерживали и самыя законнѣлыя сердца.

Орелъ взмахивалъ могучими крыльями, ронялъ кровавые рубины въ зеленый доль, описывалъ столько круговъ, сколько ему полагалось, и... падалъ.

Нужно-ли добавлять, что падалъ онъ не просто, а: какъ подкошенный.

Исторія съ орлами продолжалась долго, и неизвѣстно, когда-бы она кончилась, если бы не явился самый главный — съ косымъ воротомъ и безумствомъ храбрыхъ.

Откашлялся и нижегородскимъ баскомъ грянулъ:

«Надъ сѣдой пучиной моря
«Гордо рѣветъ буревѣстникъ,
«Черный, молніи подобный...»

Всѣ такъ и ахнули.

И, дѣйствительно, птица — первый сортъ, и рѣветъ, и взмываетъ, и, вообще, дѣло дѣлаетъ.

Пили мы Калининское пиво, ѣздили на Воробьевы горы и, косясь на добродушныхъ малиновыхъ городскихъ, сладострастнымъ шопотомъ декламировали:

«Имъ, гагарамъ, недоступно
«Наслажденіе битвой жизни...»

И, рыча, добавляли:

«Громъ ударовъ ихъ пугаетъ...»

Но случилось такъ, что, именно, гагары-то и одолѣли.

Тогда вмѣсто Калининскаго пива стали употреблять растворъ карболовой кислоты, ціанистый калий, стрѣляли въ собственный правый високъ, оставляли на четырнадцать страницъ письма къ друзьямъ, и говорили: насъ не понимаютъ, Европа — Марса.

Вотъ, въ это-то самое время и явились:

Самый злобѣщій, какой только былъ отъ сотворенія міра, Воронъ и бѣлая чайка, птица упадочная, непонятая, одинокая.

Воронъ каркнулъ: — Nevermore ! — и сгинулъ.

Персонажъ онъ былъ заграничный, обидчивый и для мелодекламаціи не подходящій.

Зато, чайка сдѣлала совершенно головокружительную карьеру.

Дѣвушки съ надрывомъ, съ поволокой въ глазахъ, съ неразгаданной тоской, дѣвушки съ орхидеями и съ трагической улыбкой, — хрустѣ-

ли пальцами, скрещивали руки на худыхъ ко-
лѣняхъ и говорили:

— Хочется сказки... Хочется ласки... Я —
чайка.

Потомъ, взяли и выдумали, что Коммиссар-
жевская — чайка, и Гипсіусъ — чайка, и чуть-
ли не Максимъ Ковалевскій — тоже чайка.

«Вотъ, вспыхнуло утро. Румянятся воды.

«Надъ озеромъ бѣдная чайка летитъ»...

А, по совѣсти сказать, такъ болѣе прожорли-
вой, ненасытной и наглої птицы, чѣмъ эта са-
мая бѣдная чайка, и природа еще не создавала.

Однако, поди-жь ты... Лѣтъ семь-восемь спа-
сенія отъ чаекъ не было.

Изрѣдка только, вотрется какой-нибудь заш-
татный умирающій лебедь или Синяя птица, или
залетятъ ненарокомъ осенніе журавли, — покру-
жатъ, покружатъ и улетятъ во-свояси.

А настоящаго удовольствія отъ нихъ не было.

Ахъ, какъ прошумѣли, промчались годы!
Какъ быстро промелькнули десятилѣтія! Какой
страстной горечи исполнены покаянія. Дорогой

цѣной заплатили мы за дикихъ утокъ, за синихъ
птиць и за орловъ, и за кречетовъ, и за соко-
ловъ, и за вороновъ, и за бѣлыхъ чаекъ, а, наи-
паче, за буревѣстниковъ.

Быль мужикъ, а мы — о граціи.

Быль навозъ, а мы — въ тимпанъ!

Такъ отъ мелодекламаціи

Погибають даже націи,

Какъ бурьянъ.

У ВРАТЬ ЦАРСТВА.

Все опростали. И все опростили.
Взяли изъ жизни и нѣжность, и звонъ.
Бросили на земь. Топтали и били.
Пили. Растлили. И выгнали вонъ.

Долго плясала деревня хмельная.
Жгла и ходила смотрѣть на огонь.
И надрывалась отъ края до края
Хрипая, злая, шальная гармонь.

Городъ былъ тоже по-новому весель.
Стекла дырявилъ и мраморъ дробилъ.
Ночью въ предмѣстьяхъ своихъ куралесилъ,
Братевъ готовилъ для братскихъ могилъ.

Жили, какъ свиньи. Дрожали, какъ мыши.
Грызлись, какъ злые, голодные псы.
Строили башню, все выше и выше,
Непревзойденной и строгой красы.

Были рабами. И будутъ рабами.
Сами воздвигнуть. И сами сожгутъ.
Господи Боже, свершишь ли надъ нами
Страшный, послѣдній, обѣщанный Судъ?!

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

1.

Мнѣ говорили: все промчится.
И все течетъ. И все вода.
Но городъ — сонъ, который снится,
Приснился міру навсегда.

2.

Лаванда, амбра, запахъ пудры,
Чадра, и феска, и чалма.
Страна, гдѣ подданные мудры,
Гдѣ сводятъ женщины съ ума.

Гдѣ отъ зари и до полночи
Передъ душистымъ наргиле,
На ткань ковра уставя очи,
Сидятъ народы на землѣ
И славятъ мудраго Аллаха,
Иль, совершивъ святой намазъ,
О бранной славѣ падишаха
Ведутъ медлительный разговоръ.
Гдѣ любятъ нѣжно и жестоко
И, непремѣнно, въ нишахъ бань.
Пока не будетъ гласъ Пророка:
Селимъ, довольно. Перестань.

3.

О, бредъ проѣзжихъ беллетристовъ,
Которымъ самъ Токатліанъ,
Метръ-д'отель и другъ артистовъ,
Давалъ и деньги, и кальянъ!